

Артур Конан Дойл

Приключение в «Лесных Буках»

*Часть сборника
Самые знаменитые
расследования Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

Приключение в «Лесных Буках»

«ЭКСМО»

1892

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Приключение в «Лесных Буках» / А. Дойл — «Эксмо», 1892

«— Человек, любящий свое искусство ради искусства, — заметил Шерлок Холмс, отбрасывая «Дейли телеграф», развернутую на странице личных объявлений, — часто находит наибольшее удовольствие в наиболее незначительном и пустяковом поводе для его применения. Мне приятно заметить, Ватсон, что вы согласны с этой истиной, и в записях наших дел, которые вы столь любезно ведете, и приходится признать, порой их приукрашивая, предпочтение вы отдаете не столько многим знаменитым делам и сенсационным процессам, к которым я бывал причастен, но главным образом тем случаям, по сути, возможно, вполне тривиальным, но предлагавшим больше простора для дедукции и логического синтеза, составляющих мою особую специальность...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Дойл А., 1892
© Эксмо, 1892

Артур Конан Дойл

Приключение в «Лесных Буках»

– Человек, любящий свое искусство ради искусства, – заметил Шерлок Холмс, отбрасывая «Дейли телеграф», развернутую на странице личных объявлений, – часто находит наибольшее удовольствие в наиболее незначительном и пустяковом поводе для его применения. Мне приятно заметить, Ватсон, что вы согласны с этой истиной, и в записях наших дел, которые вы столь любезно ведете, и приходится признать, порой их приукрашивая, предпочтение вы отдаете не столько многим знаменитым делам и сенсационным процессам, к которым я бывал причастен, но главным образом тем случаям, по сути, возможно, вполне тривиальным, но предлагавшим больше простора для дедукции и логического синтеза, составляющих мою особую специальность.

– И все же, – сказал я с улыбкой, – я не могу считать себя полностью невиновным в погоне за сенсационностью, которую ставили в упрек моим записям.

– Быть может, вы и погрешили, – сказал он, доставая щипцами из камина тлеющий уголек и раскуривая с его помощью длинную трубку вишневого дерева, сменявшую глиняную, когда он был склонен не к размышлениям, но к спорам. – Быть может, вы и погрешили, пытаясь вдохнуть красочность и живость в каждое свое утверждение вместо того, чтобы ограничиться задачей запечатлеть то неизбежное выведение следствия из причины, которое одно только и заслуживает внимания.

– По-моему, в этом смысле я полностью воздавал вам должное, – сказал я с некоторой холодностью, так как меня уязвил эгоизм, который, как я неоднократно замечал, был немалым фактором в уникальном характере моего друга.

– Нет, это не эгоизм и не тщеславность, – сказал он, отвечая по обыкновению на мои мысли, а не на слова. – Если я настаиваю на воздаянии должного моему искусству, то потому лишь, что оно менее всего личное, но нечто, существующее вне меня. Преступления обычны, логика – редкость. Вот почему вам следует сосредотачиваться на логике, а не на преступлении. Вы низвели то, чему следовало бы воплотиться в цикл лекций, до уровня побасенок.

Было холодное утро начала весны, и мы сидели после завтрака по обе стороны весело пылающего огня в нашей старой гостиной на Бейкер-стрит. Между рядами обесцвеченных домов колыхался густой туман, и сквозь плотные желтоватые его волны окна домов напротив маячили тусклыми бесформенными пятнами. Наши газовые рожки были зажжены и светили на белую скатерть, заставляя поблескивать фарфор и металл, так как приборы еще не были убраны со стола. Шерлок Холмс все утро молчал, проглядывая столбцы объявлений в одной газете за другой, пока наконец, видимо потерпев неудачу в своих розысках, не прекратил их в не слишком-то приятном расположении духа и не прочел мне нотацию о моих литературных промахах.

– Тем не менее, – продолжал он после паузы, на протяжении которой попыхивал длинной трубкой и смотрел в огонь, – вас вряд ли можно обвинить в погоне за сенсационностью, поскольку из тех дел, которыми вы столь любезно заинтересовались, заметная часть вообще не касается преступлений в юридическом смысле слова. Маленькое дельце, в котором я поспособствовал королю Богемии, особый случай с мисс Мэри Сазерленд, загадка человека с вывернутой губой и случай с высокородным холостяком – все не выходило за пределы законности. Но, избегая сенсационности, боюсь, вы оказались на грани банальности.

– Пусть результат и таков, – ответил я, – но утверждаю, что подход был новым и интересным.

– Пф, мой дорогой, да разве публику, великую ненаблюдательную публику, вряд ли сумеющую узнать ткача по зубу, а наборщика по левому большому пальцу, могут заинтересовать

тонкие нюансы анализа и дедукции! Но если вы и банальны, винить вас я не могу, ведь дни великих дел миновали. Человек, или по крайней мере человек-преступник, утратил какую бы то ни было предприимчивость и оригинальность. Что до моей маленькой практики, она, боюсь, деградирует в агентство по розыску карандашей и снабжению советами барышень из пансионатов для благородных девиц. Впрочем, думаю, я наконец уже достиг самого дна. Это письмо, которое я получил нынче утром, знаменует нулевую точку моей шкалы. Почитайте-ка!

Он перебрал мне смятое письмо. Оно было отправлено из Монтегю-Плейс накануне вечером и содержало следующее:

*«Дорогой мистер Холмс,
я очень хотела бы проконсультироваться с вами, принимать ли мне или
нет предложенное мне место гувернантки. Я буду у вас завтра в половине
одиннадцатого, если не затрудню вас.*

*Искренне ваша
Вайлет Хантер».*

– Вы знакомы с этой барышней?

– Отнюдь.

– Сейчас как раз половина одиннадцатого.

– Да. И не сомневаюсь, в дверь звонит она.

– Дело может оказаться интереснее, чем вы думаете. Помните дело с голубым карбункулом, которое поначалу казалось пустячком, а затем обернулось серьезнейшим расследованием? И теперь может случиться то же.

– Что же, будем надеяться! Впрочем, наши сомнения скоро разрешатся, ведь, если я не сильно ошибаюсь, вот и особа, о которой идет речь.

Он еще не договорил, как дверь открылась и в комнату вошла молодая девушка. Одета она была скромно, но аккуратно. Лицо умное и выразительное, все в конопатинках, будто яйцо ржанки, а манера держаться – энергичная и решительная, как у женщины, которой приходится самой о себе заботиться.

– Надеюсь, вы извините, что я вас побеспокоила, – сказала она, когда мой друг поднялся ей навстречу, – но со мной случилось нечто странное, а так как у меня нет ни родителей, ни родственников, с кем я могла бы посоветоваться, то я подумала, что, может быть, вы будете так добры и скажете, как мне поступить.

– Прошу вас, садитесь, мисс Хантер. Я буду рад оказать вам любую услугу, какая в моих силах.

Я видел, что на Холмса манера держаться его новой клиентки и ее речь произвели самое благоприятное впечатление. Он оглядел ее с обычной своей проницательностью, а затем полуопустил веки и сложил кончики пальцев, готовясь выслушать ее историю.

– Я пять лет была гувернанткой в семье полковника Спенса Монроу, но два месяца назад полковник получил назначение в Галифакс в Новоскотии и увез своих детей в Америку, так что я лишилась места. Я давала объявления и отвечала на объявления, но без всякого успеха. Наконец небольшие скопленные мною деньги начали подходить к концу, и я просто не знала, что мне делать.

В Вест-Энде есть хорошо известное агентство по найму гувернанток «Вестэуэй», и я заглядывала туда примерно раз в неделю узнать, не появилось ли что-либо подходящее для меня. Вестэуэй – фамилия основателя агентства, но всем там заправляет мисс Стоупер. Она сидит в собственном маленьком кабинете, леди, которые ищут места, ждут в приемной, а затем по очереди приглашаются войти, а она сверяется со своими книгами, есть ли для них что-либо подходящее.

Ну, когда я зашла туда на прошлой неделе, меня проводили в кабинет, как обычно, но я увидела, что мисс Стоупер там не одна. Чрезвычайно тучный мужчина с очень улыбчивым лицом и огромным тяжелым подбородком, который складка за складкой сползает на его горло, сидел сбоку от нее с парой очков на носу и очень внимательно разглядывал входящих леди. Когда вошла я, он прямо-таки подпрыгнул в кресле и быстро обернулся к мисс Стоупер.

«То, что требуется, – сказал он. – Лучшего я и ждать не могу. Превосходно! Превосходно!» – Он словно пришел в настоящий восторг и потирал ладони самым благодушным образом. И выглядел таким симпатичным, что смотреть на него было одно удовольствие.

«Ищете место, мисс?» – спросил он.

«Да, сэр».

«Гувернантки?»

«Да, сэр».

«И какого жалованья вы просите?»

«На моем последнем месте у полковника Спенса Монроу я получала четыре фунта в месяц».

«Вздор! Вздор! Прямо кабала какая-то! – вскричал он, всплескивая толстыми руками, будто в кипящем негодовании. – Да как можно платить такие жалкие деньги барышне настолько привлекательной и с такими дарованиями?»

«Мои дарования, сэр, могут быть меньше, чем вы полагаете, – сказала я. – Немного французского, немного немецкого, музыка и рисование...»

«Вздор! Вздор! – вскричал он. – Все это к делу не относится. Суть в том, обладаете ли вы манерами истинной леди, умением держаться в обществе? Вот и вся недолга. Если их у вас нет, вы не подходите для воспитания ребенка, которому, возможно, предстоит сыграть великую роль в истории нашей страны. Но если вы ими обладаете, то как может человек, называющий себя джентльменом, попросить вас снизойти до вознаграждения менее трех цифр? Ваше жалованье у меня, сударыня, будет для начала равно ста фунтам в год».

Вы легко себе представите, мистер Холмс, что мне в моей крайней нужде такое предложение показалось невероятным. Он, однако, возможно увидев недоверчивое изумление на моем лице, открыл бумажник и достал банкноту.

«В моих правилах, – сказал он, улыбаясь с таким благодушием, что его глаза превратились в две сверкающие щелочки в мучнистых складках лица, – выплачивать моим барышням половину их жалованья авансом, чтобы они могли покрыть расходы, каких потребуют их путешествие и гардероб».

Мне казалось, что я никогда еще не встречала такого обаятельного и внимательного человека. Поскольку я была уже в долгу у лавочников, аванс этот был как нельзя кстати, и все-таки во всем этом чувствовалось нечто не вполне естественное, и я захотела узнать чуть побольше, прежде чем дать окончательное согласие.

«Могу я спросить, где вы живете, сэр?» – сказала я.

«Гемпшир. Очаровательное сельское местечко. «Лесные Буки» в пяти милях за Винчестером. Самая очаровательная местность, моя милая барышня, и милейший старинный загородный дом».

«А мои обязанности, сэр? Мне хотелось бы знать, в чем они будут состоять».

«Одно дитя. Один очаровательный шалунишка шести лет. Ах, если бы вы видели, как он туфлей убивает тараканов! Бац! Бац! Бац! И глазом не моргнешь, а трех как не бывало!» Он откинулся на стуле и вновь смехом утопил свои глаза в жирных складках.

Меня несколько озадачило развлечение, выбранное ребенком, однако смех его отца внушил мне мысль, что он шутит.

«Значит, моей единственной обязанностью, – спросила я, – будут заботы об одном ребенке?»

«Нет-нет, не единственной, не единственной, моя милая барышня! – воскликнул он. – Вашей обязанностью еще будет, как, конечно, вам подсказал ваш здравый смысл, кроме того, выполнять все маленькие распоряжения моей супруги, разумеется, с условием, что они будут такими, какие леди выполнять не зазорно. Никакой трудности это для вас не составит, э?»

«Я буду рада быть полезной».

«Вот-вот. Например, платья! Мы люди с причудами, знаете ли, с причудами, но добро-сердечные. Ну, если вас попросят носить какое-нибудь платье, какое мы вам подарим, вас ведь не обидит наш маленький каприз? Э?»

«Нет», – сказала я, несколько удивленная его словами.

«Или сесть вот тут либо вот тут, это вас не обидит?»

«О, нет».

«Или обрезать волосы покороче, прежде чем вы приедете к нам?»

Я ушам своим не поверила. Как, возможно, вы заметили, мистер Холмс, волосы мои довольно пышные и необычного каштанового оттенка. Их находили достойными кисти художника. Мне и в голову не могло прийти пожертвовать ими с бухты-баряхты.

«Боюсь, это невозможно», – ответила я. Он впился в меня своими глазками, и я заметила, что по его лицу при моих словах скользнула тень.

«Боюсь, это абсолютно необходимо, – сказал он. – Такой уж у моей супруги каприз, а с дамскими капризами, знаете ли, сударыня, положено считаться. Так вы своих волос не обрежете?»

«Нет, сэр, право, не могу», – ответила я твердо.

«Что поделать! Это решает вопрос. Очень жаль. Потому что во всех остальных отношениях вы очень подошли бы. В таком случае, мисс Стоупер, мне лучше побеседовать с другими вашими барышнями».

Все это время управляющая занималась своими бумагами, не говоря ни слова ни мне, ни ему, но теперь она посмотрела на меня с таким раздражением на лице, что я не могла не заподозрить, что своим отказом лишила ее щедрых комиссионных.

«Вы желаете, чтобы ваше имя осталось в наших книгах?» – спросила она.

«Да, пожалуйста, мисс Стоупер».

«Ну, право, это кажется бессмысленным, раз вы подобным образом отказались от столь превосходного предложения, – сказала она резко. – Едва ли вы можете ожидать, что мы станем затрудняться в поисках другого такого места для вас. Всего вам хорошего, мисс Хантер». – Она ударила в гонг на столе, и служащий выпроводил меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.